

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-2-625-647

EDN: LYHRVN

Научная статья / Research Article

Взаимосвязь метафоры и оценки в репрезентации образа России в англоязычном медиадискурсе Великобритании и Индии

О.И. Калинин

Московский государственный лингвистический университет, *Москва, Российская Федерация*
Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ,
Москва, Российская Федерация
Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский
университет), *Челябинск, Российская Федерация*
[✉ okalinin.lingua@gmail.com](mailto:okalinin.lingua@gmail.com)

Аннотация. В условиях глобальной информационной поляризации национальный образ государства превращается в стратегический ресурс мягкой силы и объект дискурсивного противоборства. Данная работа посвящена сравнительному лингвопрагматическому анализу метафорической и оценочной репрезентации России в англоязычном медиадискурсе Великобритании и Индии. Актуальность исследования обусловлена контрастными геополитическими позициями стран, что позволяет выявить степень прагматической и идеологической детерминированности выбора оценочных средств и метафорических моделей при конструировании одного и того же референта. Целью исследования являлся сравнительный анализ особенностей метафорической и оценочной репрезентации образа России в двух сопоставимых подкорпусах англоязычных медиатекстов с количественным выявлением характера их взаимодействия и зависимости от экстралингвистических факторов. Для достижения цели был проведен качественный лингвопрагматический анализ оценочных и метафорических средств; разработаны и применены интегральные индексы оценочности и метафоричности, выполнен корреляционный анализ взаимосвязи между плотностью, интенсивностью и языковой формой оценки и метафоры в каждом подкорпусе, установлена статистическая связь между характером общей оценки России и параметрами метафоричности на всем массиве данных. Полученные результаты показали, что британский медиадискурс характеризуется высокой плотностью и эмоциональной интенсивностью как оценочных средств, так и метафор, реализует стратегию открытой негативной оценки России, тогда как индийский дискурс демонстрирует умеренные показатели и преобладание рациональных форм оценки, соответствующих политике стратегической автономии. Корреляционный анализ подтвердил сильную отрицательную связь между негативной оценкой России и интенсивностью/плотностью метафор при статистически незначимой роли языковой формы метафоры. Таким образом, именно эмоционально насыщенные и частотные метафоры выступают ключевым инструментом формирования антироссийского нарратива в медиадискурсе.

© Калинин О.И., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: лингвопрагматика, национальный образ, корреляционный анализ, репрезентация России

Финансирование и благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 23.12.2025; дата приема в печать: 15.02.2026.

Для цитирования: Калинин О.И. Взаимосвязь метафоры и оценки в репрезентации образа России в англоязычном медиадискурсе Великобритании и Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 2. С. 625–647. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-2-625-647> EDN LYHRVN

The Interrelation of Metaphor and Evaluation in the Representation of Russia's Image in English-Language Media Discourse in Great Britain and India

Oleg I. Kalinin

Moscow State Linguistic University, *Moscow, Russian Federation*

Military University, *Moscow, Russian Federation*

South Ural State University, *Chelyabinsk, Russian Federation*

 okalinin.lingua@gmail.com

Abstract. In the context of global information polarization, a nation's image becomes a strategic resource of soft power and an object of discursive confrontation. This study is devoted to a comparative linguopragmatic analysis of the metaphorical and evaluative representation of Russia in English-language media discourse in Great Britain and India. The relevance of the research stems from the contrasting geopolitical positions of these countries, which makes it possible to reveal the extent to which the choice of evaluative means and metaphorical models is pragmatically and ideologically determined when constructing representations of the same referent. The aim of the study was to perform a comparative analysis of the specific features of metaphorical and evaluative representation of Russia's image in two comparable subcorpora of English-language media texts, with quantitative identification of the nature of their interaction and dependence on extralinguistic factors. To achieve this aim, a qualitative linguopragmatic analysis of evaluative and metaphorical devices was conducted; integrated indices of evaluativity (EDI, EII, ELFI) and metaphoricity (MDI, MII, MLFI) were developed and applied; correlation analysis of the relationships between density, intensity, and linguistic form of evaluation and of metaphor was carried out for each subcorpus; and the statistical relationship between the overall evaluative tone towards Russia (+/–) and metaphoricity parameters across the entire dataset was established. The findings demonstrate that the British media discourse is characterised by high density and emotional intensity of both evaluative means and metaphors, thereby implementing a strategy of overt negative evaluation and demonisation of Russia. In contrast, the Indian discourse exhibits moderate indices and a predominance of rational and latent evaluative forms consistent with a policy of strategic autonomy. Correlation analysis confirmed a strong negative relationship between negative evaluation of Russia and the intensity/density of metaphors, whereas the linguistic form of metaphors proved statistically insignificant. Thus, emotionally charged and frequent metaphors emerge as the key instrument for constructing an anti-Russian narrative in media discourse.

Keywords: linguopragmatics, national image, correlation analysis, representation of Russia

Financing: The research is financially supported by Russian Science Foundation № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

Conflict of interests: The author declares no conflict of interest.

Article history: Received: 23.12.2025; Accepted: 15.02.2025.

For citation: Kalinin, O.I. (2026). The Interrelation of Metaphor and Evaluation in the Representation of Russia's Image in English-Language Media Discourse in Great Britain and India. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 17(2), 625–647. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-2-625-647> EDN LYHRVN

Введение

В условиях современного глобального информационного пространства национальный образ страны превратился в стратегический нематериальный актив, который во многом определяет ее позиционирование на мировой арене. Он выступает одним из центральных элементов публичной дипломатии и концепции «мягкой силы». Как показали научные исследования, позитивный или негативный национальный образ напрямую коррелирует с объемом прямых иностранных инвестиций, туристическими потоками, экспортом высокотехнологичной продукции, дипломатической поддержкой в международных организациях и даже с поддержкой третьих стран в геополитических конфликтах [1; 2].

Позиционирование другого государства в национальных и международных СМИ является дискурсивно опосредованным процессом, в котором медиа выступают активным агентом идеологической стратификации мирового порядка. Через систематическое использование определенных фреймов, топосов и оценочно-маркированных нарративов медиадискурс конструирует иерархию государств-акторов, распределяя их по шкале от «цивилизованных» и «ответственных» до «ревизионистских», «авторитарных» или «угрожающих глобальной стабильности» [3].

В этом смысле репрезентация иностранного государства перестает быть нейтральным описанием и превращается в акт концептуального осмысления, который напрямую влияет на восприятие суверенитета страны, права на собственную внешнеполитическую субъектность и допустимость применения силы в отношении нее [4]. Таким образом, борьба за доминирующий образ той или иной страны в глобальном информационном поле становится одной из ключевых форм современного геополитического соперничества, где дискурсивные ресурсы приобретают статус стратегического оружия гибридных войн [5].

Сравнительный анализ британского и индийского англоязычного медиадискурса в контексте репрезентации России обладает высокой эвристической ценностью, поскольку позволяет эмпирически зафиксировать контрастные модели концептуализации и аксиологической интерпретации одного и того же референта в рамках двух принципиально разных цивилизационно-идеоло-

гических контекстов: «коллективного Запада» и Глобального Юга. Как известно, Великобритания, один из ключевых центров западного мира, в значительной степени воспроизводит нарративы, в которых Россия предстает ревизионистской державой и вызовом либеральному миропорядку [6]. Индия, напротив, будучи ведущей державой Глобального Юга и активным участником БРИКС и ШОС, демонстрирует большую дискурсивную автономию. Индийские СМИ, несмотря на использование английского языка и отдельных западных стандартов журналистики, во многом сохраняют национальную перспективу и независимость в оценке международных событий [7].

Именно поэтому изучение механизмов метафорической и оценочной репрезентации России в англоязычных медиадискурсах разных геополитических полюсов позволяет установить, в какой степени выбор и комбинация метафорических моделей и оценочных маркеров детерминированы прагматическими целями дискурса, идеологической позицией продуцента и целевой аудиторией. С сугубо лингвистической точки зрения такое исследование выявляет корреляцию между метафорическими сценариями и аксиологической нагрузкой языковых единиц, демонстрируя, как прагматический контекст определяет полярность оценки, интенсивность эмоционального воздействия и степень идеологической маркированности образа референта.

Так, в данной статье с использованием квантитативно-корпусного подхода исследуется взаимосвязь между частотностью и типологией средств выражения оценки референта «Россия», с одной стороны, и употреблением метафор, с другой, в зависимости от экстралингвистических (геополитических) факторов и идеологической ориентации медиадискурса. На материале двух сопоставимых подкорпусов британских и индийских англоязычных СМИ устанавливается, в какой мере идеологическая позиция продуцента определяет не только полярность оценки и выбор метафорических сценариев, но и степень их синергетического взаимодействия.

Целью настоящего исследования является сравнительный анализ особенностей метафорической и оценочной репрезентации образа России в англоязычном медиадискурсе Великобритании и Индии. В работе количественно выявляется характер оценочной метафорики в контексте прагматической обусловленности двух национальных дискурсивных сообществ.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили два специализированных сопоставимых подкорпуса англоязычных медиатекстов, собранных методом целенаправленного отбора с элементами стратифицированной выборки в период февраля 2022 — июня 2025 гг.:

1) Подкорпус «Великобритания»: 50 новостных и аналитических текстов из The Economist, The Guardian, The Daily Telegraph, BBC News, Reuters UK, Financial Times. Общий объем — 37 469 словоупотреблений.

2) Подкорпус «Индия»: 50 текстов из The Times of India, The Indian Express, The Hindu, India Today, Daily Pioneer. Общий объем — 23 841 словоупотребление.

Для достижения поставленной цели была разработана и применена комплексная методика, включающая три последовательных этапа.

1. Формирование корпуса и подготовка материала

Определение тематических, хронологических и источниковедческих параметров; обеспечение сопоставимости подкорпусов по жанру, объему и релевантности.

2. Качественный лингвопрагматический анализ

а) Анализ оценочности:

— определение общей тональности текста (комбинация нейросетевого сентимент-анализа и экспертной оценки);

— сплошной текстологический разбор с фиксацией эксплицитных и имплицитных средств выражения оценки;

— классификация средств выражения оценки по осям «эксплицитность / имплицитность» и «рациональность / эмоциональность».

б) Анализ метафоричности:

— идентификация языковых метафор и реконструкция лежащих в их основе концептуальных моделей;

— классификация метафор по форме (прямые / не прямые), интенсивности и прагматической функции.

3. Количественный анализ и статистическая обработка

Расчет плотности и интенсивности оценочных и метафорических единиц; введение индексов метафоричности и оценочной маркированности; корреляционный анализ взаимосвязи между частотностью метафор и степенью оценочности в каждом подкорпусе; сравнение полученных показателей между британским и индийским дискурсом.

Используемые квантитативные индексы, формулы их подсчета и описание представлены в табл. 1.

Таблица 1. Формулы квантитативного анализа оценочности и метафоричности
Table 1. Formulas for the quantitative analysis of evaluativity and metaphor power

Параметр / Parameter	Формула / Formula	Описание / Description
Оценочность / Evaluation		
Плотность Evaluativeness Density Index	$EDI = (nelm * 100) / nw$	nelm — количество всех языковых средств выражения оценки; nw — общее количество слов
Интенсивность Evaluativeness Intensivity Index	$EII = (ER * 1 + EE * 3) / nelm$	ER — количество проявлений рациональной оценки; EE — количество средств проявления эмоциональной оценки

Окончание табл. 1 / Ending of the Table 1

Параметр / Parameter	Формула / Formula	Описание / Description
Языковая форма Evaluativeness Language Form Index	$(EIm*1 + EEx*3)/nelm$	EIm — количество средств выражения скрытой, имплицитной оценки; EEx — количество средств выражения явной эксплицитной оценки
Метафоричность / Metaphor power		
Плотность Metaphor Density Index	$MDI = nme * 100 / nwords$	nwords — общее количество слов; nme — общее количество метафор
Интенсивность Metaphor Intensivity Index	$MI = (1w + 2a + 3s) / nme$	w — количество низкоинтенсивных метафор; a — количество метафор средней интенсивности; s — количество высокоинтенсивных метафор
Языковая форма Metaphor Language Form Index	$MLFI = (1I + 3E) / nme$	I — количество не прямых метафор; E — количество прямых метафор

Источник: составлено О.И. Калининым. / Source: compiled by Oleg I. Kalinin.

Примененный комплексный подход позволил не только описать качественные различия в репрезентации России, но и количественно подтвердить степень прагматической обусловленности метафоры и оценки в каждом из исследуемых медиадискурсов.

Оценочность как прагматическая характеристика медиадискурса

Медиадискурс выполняет роль доминирующего канала конструирования и циркуляции коллективных ментальных репрезентаций о чужой стране. Особенно значима роль медиадискурса в ситуациях асимметричного информационного обмена, когда большинство реципиентов не имеет прямого опыта взаимодействия с репрезентируемой страной и полностью зависит от вторичных, опосредованных источников. В таких условиях языковые и дискурсивные средства (метафора, оценочная лексика, синтаксические конструкции имплицитной оценки) превращаются в инструменты идеологической интерпелляции и когнитивного манипулирования, способные закреплять в массовом сознании устойчивые образы «друга», «врага», «партнера» или «угрозы». Таким образом, национальный образ перестает быть лишь отражением реальности и становится дискурсивно сконструированной семиотической сущностью, чья структура во многом детерминирована аксиологическими и идеологическими параметрами продуцирующего его медиадискурса.

Как отмечает М. Беднарек, «оценка, или языковое выражение мнения говорящего / пишущего, лишь недавно стала объектом пристального лингвистического анализа, однако она пронизывает медиатексты, выступая важным инструментом формирования общественного восприятия» [8. С. 241]. Коммуникативно-прагматический потенциал медиатекста реализуется через строгую ориентацию на достижение заданного перлокутивного эффекта: формирование общественного мнения, конструирование социальных стереотипов, регулирование коллективных эмоций и ценностных установок.

Оценка в медиадискурсе проявляется в систематическом использовании языковых средств субъективно-модальной интерпретации фактов, событий и действующих лиц, что позволяет автору или медиаинституту эксплицировать собственную аксиологическую позицию и транслировать ее реципиенту. Будучи встроенной в ткань текста на лексическом, синтаксическом, стилистическом и риторическом уровнях, оценка не просто сопровождает изложение информации, а активно структурирует восприятие адресата, формируя устойчивые когнитивные и эмоциональные схемы. Таким образом, оценочный компонент выступает одним из главных инструментов идеологического конструирования реальности в поляризованном медиапространстве, определяя не только интерпретацию отдельного медиатекста, но и более широкие общественно-политические дискурсивные практики, что позволяет использовать в научном обороте термин оценочность применительно к тексту и дискурсу в целом, а не только к отдельной языковой единице.

Классически в отечественном языкознании под термином оценочность понимается «способность языковой или речевой единицы эксплицировать положительные и отрицательные свойства объекта, его место на оценочной шкале и в аксиологическом пространстве» [9. С. 101]. Однако в рамках настоящего исследования оценочность трактуется прежде всего как интегративная имманентная характеристика, присущая медиатексту на всех уровнях его организации и определяющая способность дискурса выражать субъективно-аксиологическое отношение к описываемой реальности.

Оценочность как свойство дискурса проявляется в перманентном присутствии субъективного модуса в сообщении, благодаря которому в рамках дискурсивной коммуникации свойства референта неизбежно подвергаются аксиологической интерпретации. Она пронизывает ткань текста, реализуясь одновременно на лексическом (эпитеты, оценочная лексика), синтаксическом (инверсии, парцелляция, риторические вопросы, модальные конструкции) и стилистическом (метафоры, ирония, гипербола, аллюзии) уровнях. При этом оценочность включает в себя тональность и модальность как свои частные проявления, но не сводится к ним, выступая более широкой дискурсивной категорией, организующей весь аксиологический каркас текста [10. С. 185].

Будучи свойством дискурса, оценочность может быть эксплицитной (прямо закрепленной в семантике языковых единиц, например, *brilliant leader* / *dangerous extremist*) и имплицитной (скрытой, выводимой только из

контекста, пресуппозиций, интертекстуальных связей и фоновых знаний реципиента). Эксплицитная оценочность опирается на формализованные языковые средства, такие как модальные глаголы, оценочная лексика или стандартизированные речевые клише, обеспечивая когнитивную доступность и иллюкутивное воздействие, в то время как имплицитная активирует латентные смыслы через апелляцию к интуиции, традиции или культурным сценариям, требуя от адресата сложных когнитивных операций интерпретации. Как отмечается в проведенных исследованиях, различие между эксплицитной и имплицитной формами оценочности в дискурсе коренится в отсутствии явных лингвистических маркеров в имплицитных конструкциях, что делает их особенно уязвимыми для идеологической манипуляции в реальных сценариях коммуникации [11].

Кроме того, оценочность как свойство дискурса всегда двойственна по своей природе: она сочетает эмоциональный (аффективный) и рациональный (когнитивно-оценочный) компоненты, которые, взаимопроникая, формируют у адресата устойчивые ценностные ориентации и эмоционально-оценочные фреймы. В основе этой двойственности лежит сложное взаимодействие языковых и логических форм выражения оценки: апелляция к образцу или интуиции активирует субъективное, эмоциональное восприятие, создавая аффективный фрейм [12], в то время как использование норм, стандартов и аналогий структурирует дискурс на рациональной основе, обеспечивая логическую когерентность. В реальном дискурсивном взаимодействии эти формы редко функционируют изолированно, они пересекаются, взаимно усиливаясь и образуя гибридные конструкции, где эмоциональное воздействие дополняется рациональным обоснованием. Разграничение этих компонентов, несмотря на их взаимопроникновение, позволяет глубже понять механизмы субъективного позиционирования и когнитивной интерпретации, где рациональные апелляции к нормам и аналогиям усиливают доверие к эмоциональным импликациям.

Стоит отметить, что оценочность может быть реализована на всех уровнях языковой системы, от графического и фонетического (интонационные акценты, типографические выделения) до лексического, грамматического и стилистического, где каждая единица вносит вклад в общее аксиологическое содержание. Логические формы, такие как апелляция к традиции, образцу или интуиции, интегрируют субъективное отношение говорящего в объективные критерии, повышая убедительность и доверие аудитории.

Таким образом, рассматривая оценочность именно как неотъемлемое свойство медиадискурса, а не как набор разрозненных языковых маркеров, мы получаем возможность выявить глубинные механизмы идеологического конструирования реальности и целенаправленного прагматического воздействия на массовую аудиторию. Комплексное оценочное воздействие медиатекста складывается из взаимодействия эксплицитных и имплицитных, эмоциональных и рациональных, лексических, синтаксических и риторических

средств, которые в совокупности формируют устойчивые аксиологические фреймы и перлокутивные эффекты.

Для выявления и измерения этого комплексного оценочного воздействия наиболее эффективным оказывается количественный подход, сочетающий корпусный анализ с вычислительными методами. Такой подход сосредоточен не на фиксации отдельных оценочных лексем или синтаксических конструкций, а предполагает расчет интегральных индексов, отражающих общий оценочный потенциал текста и его идеологическую направленность. В рамках предлагаемой методики выделяются два последовательных этапа:

1. Выявление оценочного потенциала всего текста (от негативного до позитивного), осуществляемое с помощью комбинации методов анализа при помощи нейросетей и экспертной разметки.

2. Подсчет и классификация оценочных средств с использованием специализированных количественных индексов: Evaluativeness Density Index (EDI) — плотность оценочных маркеров на 100 лексических единиц текста; Evaluativeness Intensity Index (EII) — соотношение эмоциональных и рациональных компонентов оценки; Evaluativeness Language Form Index (ELFI) — доля эксплицитной и имплицитной форм выражения оценки.

Совокупное применение этих индексов дает объективную, воспроизводимую и сравнимую картину оценочного профиля медиатекста, позволяя прогнозировать степень и характер идеологической поляризации в сопоставимых подкорпусах национальных СМИ. Тем самым количественный подход превращает оценочность из качественной интуитивной категории в измеримую дискурсивную переменную, открывая путь к строгому сравнительному анализу механизмов формирования общественного мнения в современном англоязычном медиапространстве.

Метафора как средство выражения оценки

Метафора занимает особое место среди средств выражения оценочности в медиадискурсе, поскольку сочетает когнитивную, прагматическую и аксиологическую функции, позволяя одновременно структурировать восприятие реальности и транслировать субъективное отношение к ней. Будучи одновременно единицей языка, мышления и культуры, метафора формирует устойчивый оценочный фрейм, задающий позитивную или негативную тональность объекту описания [13].

Оценочная сила метафоры обусловлена ее способностью активировать имплицитные культурные сценарии и эмоциональные реакции, часто оставаясь за пределами прямого лексического маркирования. Исследования последних лет убедительно показывают, что «метафоры способны передавать более интенсивные эмоциональные реакции, чем их буквальные аналоги» [14], оказывая комплексное метафорическое речевое воздействие, понимаемое как «целенаправленное или нецеленаправленное, концептуальное или

эмоциональное воздействие посредством использования метафор в тексте и дискурсе» [15. С. 135].

В медиатекстах оценочный потенциал метафоры реализуется через перенос аксиологических характеристик сферы-источника на сферу-цель: концептуальные метафоры ВОЙНЫ, БОЛЕЗНИ, СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ систематически используются для негативной репрезентации политических оппонентов, миграционных процессов или экономических кризисов, тогда как метафоры ПУТЕШЕСТВИЯ, СВЕТА, СЕМЬИ — для позитивного фрейминга «своих» акторов и инициатив [16; 17]. Подобное распределение подтверждается и другими исследованиями: «среди метафор с высокой частотностью преобладают негативные оценки (64,4 %), в то время как положительные составляют только 35,6 %. Наибольшую негативную оценочность имеют метафоры, связанные с войной, медициной и трагическими событиями» [18]. Так, очевидно, что метафора является инструментом идеологического конструирования, где выбор сферы-источника предопределяет аксиологическую окраску всего нарратива.

Особую роль в реализации оценочной функции играет интенсивность (новизна) метафоры. Согласно теории «карьеры метафоры» Б. Боудл и Д. Гентнера [19], а также современным разработкам О.И. Калинина [15] конвенциональные (стертые) метафоры обрабатываются через быстрый процесс категоризации и чаще выражают рациональную, социально закреплённую оценку, тогда как новые (авторские) метафоры требуют активного сравнения доменов и обладают значительно большим эмоциональным и персуазивным потенциалом. Исследования политического и военного дискурсов подтверждают линейную зависимость: чем выше интенсивность метафоры, тем сильнее выражен аффективный компонент оценки и тем выше перлокутивный эффект [15].

Отдельно следует выделить различие между прямыми и косвенными метафорами как носителями эксплицитной и имплицитной оценочности. Прямые (преднамеренные) метафоры («Эта политика — это рак общества», «Демократия — это маяк надежды») эксплицитно указывают на сравнение и, согласно теории преднамеренной метафоры Дж. Стина [20], целенаправленно привлекают внимание реципиента к самому акту метафорического переноса, усиливая иллокутивную силу оценки. Косвенные метафоры («общество заражено ложью», «идеи расцвели») воздействуют имплицитно, через атрибутивные и глагольные конструкции, создавая суггестивный эффект и позволяя автору сохранять формальную «объективность» [21].

Таким образом, метафора выступает одним из средств выражения оценочности в медиадискурсе, позволяя одновременно конструировать социальную реальность, эмоционально воздействовать на аудиторию и маскировать идеологическую позицию под образно-ассоциативной формой. Для выявления комплексного оценочного воздействия метафор в сопоставимых подкорпусах либеральных и консервативных СМИ целесообразно применять

многоуровневый количественный подход, включающий расчет трех взаимодополняющих индексов (15): Metaphor Density Index (MDI) — количество метафор на 100 лексических единиц текста; Metaphor Intensity Index (MII) — уровень новизны всех метафор в тексте, что отражает эмоциональное и рациональное воздействие; Metaphor Language Form Index (MLFI) — соотношение прямых и непрямых метафор, что показывает эксплицитность и имплицитность метафорического речевого воздействия.

Совокупное применение этих индексов дает объективную, воспроизводимую картину метафорического фрейминга и позволяет статистически подтвердить различия в оценочных стратегиях национальных медиа.

Результаты исследования

Настоящее исследование посвящено сравнительному анализу оценочности и метафоричности в англоязычном медиадискурсе о России в двух национальных подкорпусах (Великобритания и Индия), сформированных на материале ведущих изданий за период 2022–2025 гг. Экстралингвистические характеристики подкорпусов предопределяют принципиально различные оценочные и метафорические стратегии.

Гипотеза исследования строилась на том, что в условиях острой глобальной поляризации национальные медиа не могут оставаться нейтральными: они неизбежно транслируют внешнеполитическую линию государства и его место в системе международных альянсов. Великобритания, будучи одним из наиболее последовательных и активных участников антироссийской коалиции, демонстрирует максимально негативную и идеологически заряженную риторику. Индия, напротив, сохраняя стратегическую автономию и исторически выстроенные партнерские отношения с Россией при одновременном давлении Запада, вынуждена выстраивать дискурс, избегающий резких оценочных полюсов.

Таким образом, контраст между этими двумя подкорпусами позволил проверить, в какой степени экстралингвистические переменные (позиция в конфликте, историческая память, экономические интересы) предопределяют выбор оценочных средств и метафорических сценариев, превращая медиатекст в инструмент мягкой силы и отражение государственной стратегии.

Первый этап исследования был посвящен измерению общей оценочности медиатекстов по пятибалльной шкале (от –2 «отрицательная» до +2 «положительная»). Для обеспечения объективности и воспроизводимости применялась гибридная методика, сочетающая нейросетевой анализ и опрос экспертной группы. Современным генеративным моделям (ChatGPT-4.0, Grok-4, DeepSeek) предъявлялся детализированный промпт, содержащий полное теоретическое обоснование категории оценочности (структура, явные и имплицитные маркеры, семантические, прагматические и логические механизмы), что позволило моделям учитывать не только лексические индикаторы, но и латентные оценочные стратегии, включая пресуппозиции, имплицитные

фрейминговые эффекты. Результаты автоматической разметки проверялись группой из трех независимых экспертов-лингвистов (включая одного доктора филологических наук). Эксперты оценивали каждый текст по той же шкале, отвечая на вопрос: «Какую общую оценку России и ее действий формирует данный текст у типичного читателя?». Итоговая оценка принималась по правилу большинства; при трех разных оценках бралось среднее арифметическое (табл. 2).

Таблица 2. Результаты анализа общей оценочности
Table 2. Overall evaluativity analysis results

Оценка / Estimate	Значение / Value	Британия (n = 50) / Britain (n = 50)	Индия (n = 50) / India (n = 50)
Резко отрицательная	–2	15 (30 %)	8 (16 %)
Умеренно отрицательная	–1	26 (52 %)	22 (44 %)
Нейтральная	0	5 (10 %)	8 (16 %)
Умеренно положительная	+1	3 (6 %)	9 (18 %)
Положительная	+2	1 (2 %)	3 (6 %)
Итого отрицательная	(–2 / –1)	41 (82 %)	30 (60 %)
Среднее значение		–1,22	–0,50

Источник: составлено О.И. Калининым. / Source: compiled by Oleg I. Kalinin.

Проведенный анализ выявил резкий контраст в общей оценочности двух подкорпусов. Британский корпус демонстрирует ярко выраженный негативный профиль: 82 % текстов имеют отрицательную тональность, 30 % — резко отрицательную; средний показатель оценочности составляет –1,22, что отражает систематическое морально-этическое осуждение России. Индийский корпус, напротив, при преобладании отрицательной оценки (60 %) остается значительно более сдержанным и амбивалентным: доля резко отрицательных текстов в два раза ниже (16 %), а нейтральных и умеренно положительных — в три раза выше, чем в британском; средний показатель –0,50 свидетельствует о стратегии прагматического баланса и избегании резких оценочных полюсов. Разница в 0,72 балла между подкорпусами статистически значима и полностью подтверждает исходную гипотезу о том, что экстралингвистический контекст, то есть внешнеполитическая позиция страны, прямо определяет общую оценочность медиадискурса.

Количественный анализ трех индексов оценочности по двум подкорпусам выявил четко выраженные различия, также полностью соответствующие экстралингвистическому контексту (табл. 3).

Британский подкорпус демонстрирует значительно более высокую плотность оценочных средств (EDI = 7,86 против 6,58 в подкорпусе «Индия»), что отражает высокий уровень оценочного воздействия при подаче информации. Индекс интенсивности ЕП = 2,38 указывает на явное доминирование эмоционально окрашенных средств выражения оценки над рациональными, усиливая эффект осуждения и даже «демонизации» России. Индекс языковой

формы $ELFI = 2,04$ подтверждает преобладание эксплицитной оценки, то есть британские тексты в большей степени используют прямые, открытые оценочные суждения, не оставляющие места для неоднозначности и направленные на максимальное персуазивное воздействие.

Таблица 3. Значение индексов оценочности
Table 3. Values of evaluativity indices

Индекс / index	Великобритания / The United Kingdom	Индия / India	Разница / Difference
EDI (плотность)	7,86	6,58	+1,28
ЕП (интенсивность)	2,38	1,87	+0,51
ELFI (языковая форма)	2,04	1,96	+0,08

Источник: составлено О.И. Калининым. / Source: compiled by Oleg I. Kalinin.

В примере «I would say that Putinism is one more incarnation of Stalinism. He behaves like Stalin. His power is personalised, like in Stalin’s time»¹ («Я бы сказал, что путинизм — это еще одно воплощение сталинизма. Он ведет себя как Сталин. Его власть персонифицирована, как во времена Сталина») автор напрямую отождествляет современный российский политический режим с эпохой Сталина, используя исторический образ тоталитарного лидера для формирования однозначно негативного отношения к нынешней власти в России. Основные лингвопрагматические средства формирования оценки включают лексику с ярко выраженной негативной коннотацией и сильным прагматическим потенциалом аналогии с историческим стереотипом («incarnation of Stalinism», активирующее пресуппозицию «воскрешения тоталитарного режима»; номинации «Stalinism» / «Stalin» как устоявшиеся негативные идеологии, автоматически вызывающие ассоциативный ряд «тоталитаризм — репрессии — культ личности»). Также используются эксплицитные компаративные конструкции с высокой степенью категоричности («behaves like Stalin», «like in Stalin’s time»), обеспечивающие прямой перенос негативного оценочного стереотипа с исторического прототипа на современный референт. С точки зрения синтаксиса используются короткие предложения, создающие иллюзию объективного констатирования фактов и одновременно повышающие перлокутивный эффект безапелляционной оценки.

В примере «Russia may well expand its sabotage, espionage and disinformation operations in Europe»² («Россия вполне может расширить свои диверсионные, шпионские и дезинформационные операции в Европе») автор имплицитно конструирует образ России как агрессивного дестабилизиру-

¹ Владимир Путин: современный царь России вступил в должность в 5 раз. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2024/sep/22/putin-regime-will-collapse-without-warning-says-freed-gulag-dissident> (дата обращения: 25.06.2025).

² Война на Украине: Россия начала новые атаки после обещания мира. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/world-europe-60925713> (дата обращения: 26.06.2025).

щего актора мировой политики, систематически использующего нелегитимные и угрожающие методы воздействия на европейскую безопасность. Перлокутивный эффект усиливается за счет иллюзии объективного прогноза, который создается лексемами с негативной коннотацией («sabotage — espionage — disinformation operations»), и модальным глаголом «may», выполняющим функцию предупреждения и угрозы и повышающим воспринимаемую вероятность негативного сценария. Глагол «expand» создает пресуппозицию уже существующей агрессии и добровольного эскалационного выбора субъекта.

Индийский подкорпус, напротив, характеризуется меньшей плотностью ($EDI = 6,58$), умеренной интенсивностью ($EI = 1,87$) и почти сбалансированным соотношением эксплицитных и имплицитных форм ($ELFI = 1,96$). Это свидетельствует о стратегии сдержанного, дипломатически выверенного воздействия: оценка присутствует в большом объеме, но чаще маскируется под фактическую информацию без резких эмоциональных всплесков и прямых обвинений.

В примере из новости «Russians press assault on eastern Ukrainian city»³ в предложении «It [the British Defence Ministry] said Russia likely was using such missiles because of a shortage of more accurate weapons» («Министерство обороны Великобритании заявило, что Россия, вероятно, использует такие ракеты из-за нехватки более точного оружия») автор опирается на заявление британского министерства, чтобы подчеркнуть предполагаемую неэффективность и ограниченность российского военного арсенала. Это формирует негативную оценку России как страны, вынужденной прибегать к устаревшим или неподходящим средствам в конфликте, подразумевая технологическую отсталость, дефицит ресурсов и, косвенно, стратегическую слабость. Лингвопрагматические средства здесь направлены на создание иллюзии объективного анализа, но с акцентом на дискредитацию российского военного потенциала.

Ключевыми элементами являются модальные средства выражения неопределенности и оценки, например, наречие «likely» (вероятно) вводит эпистемическую модальность, смягчая утверждение и позиционируя его как обоснованное предположение, а не как абсолютный факт. Это позволяет избежать прямых обвинений в фальсификации, сохраняя видимость аналитической объективности, но одновременно усиливает перлокутивный эффект, так как читатель воспринимает информацию как правдоподобную и авторитетную, поскольку она исходит от «экспертного» источника (British Defence Ministry). Также номинация «shortage» (нехватка) несет семантику дефицита и недостаточности, подразумевая системные проблемы в российской армии (экономические санкции, технологическое отставание или неэффективное планирование), а сравнительная конструкция «more accurate weapons» (более

³ Российские войска продолжают наступление на город на востоке Украины. Режим доступа: <https://indianexpress.com/article/world/russians-press-assault-on-eastern-ukrainian-city-8005452/> (дата обращения: 01.09.2023).

точное оружие) усиливает контраст, где Россия предстает в невыгодном свете по сравнению с «современными» стандартами (имплицитно — западными). Это усиливает идеологему «российской отсталости», часто встречающуюся в западных медиатекстах, и способствует формированию стереотипа о «варварских» методах ведения войны (как в контексте ударов по гражданским объектам, упомянутым в статье).

В примере «Russia is in favour of peace, but with the conditions that its stability is ensured and the objectives of the special military operation are fulfilled»⁴ («Россия выступает за мир, но при условии обеспечения стабильности и выполнения задач специальной военной операции») автор опирается на заявление пресс-секретаря Кремля Дмитрия Пескова, чтобы представить российскую позицию как конструктивную и обоснованную в контексте переговоров о мире. Это формирует позитивную оценку России как ответственной державы, стремящейся к миру, но не готовой к компромиссам, угрожающим ее суверенитету, и противопоставляет ее «разумный» подход агрессивным требованиям оппонентов (например, президента Украины В. Зеленского, чьи слова отвергаются как «роковая ошибка»). Лингвопрагматические средства здесь направлены на создание образа России как значимого актора в международных отношениях, принципиального, ориентированного на стабильность и защиту национальных интересов, что усиливает идеологему «суверенной державы».

Ключевыми элементами являются контрастные конструкции. Так, союзная конструкция «but with the conditions» (но при условии) вводит антитезу, где первая часть («in favour of peace») активизирует позитивную пресуппозицию о миролюбии России, а вторая определяет военные действия как необходимую меру для обеспечения («ensured») стабильности, перенося оценочный стереотип «защитника интересов» на референт. Лексика с позитивной коннотацией усиливает это: номинации «favour of peace» (выступает за мир) и «stability is ensured» (стабильность обеспечена) несут значение активности и стабильности, вызывая ассоциации с рациональностью и предсказуемостью, в то время как «objectives... are fulfilled» (задачи... выполнены) апеллирует к пресуппозиции законности применения вооруженных сил. В итоге такие средства способствуют формированию стереотипа о России как о державе, чьи действия мотивированы не экспансией, а необходимостью, что в медиатекстах часто служит инструментом для смягчения негативного восприятия конфликта.

Таким образом, количественные индексы подтверждают качественные различия: британский медиадискурс использует оценочность как инструмент открытой идеологической конфронтации, тогда как индийский — как механизм поддержания стратегического баланса, в котором критика России

⁴ Кремль заявил, что принуждение России к миру станет «роковой ошибкой». Режим доступа: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/europe/kremlin-says-forcing-russia-into-peace-would-be-fatal-mistake/articleshow/113663921.cms> (дата обращения: 01.11.2024).

присутствует, но подается в смягченной, рациональной и частично имплицитной форме, с рациональным объяснением позиции России в этом вооруженном конфликте.

Количественное измерение метафоричности по трем индексам выявило существенные различия между подкорпусами, полностью соответствующие общей оценочной картине и экстралингвистическому контексту (табл. 4).

Таблица 4. Значения индексов метафоричности
Table 4. Values of metaphor power indices

Индекс / Index	Великобритания / The United Kingdom	Индия / India	Разница / Difference
MDI (плотность метафор)	4,09	3,30	+0,79
МПИ (интенсивность)	2,01	1,33	+0,68
MLFI (языковая форма)	1,66	1,35	+0,31

Источник: составлено О.И. Калининым. / Source: compiled by Oleg I. Kalinin.

Британский подкорпус характеризуется значительно более высокой метафорической насыщенностью (MDI = 4,09) и заметно большей интенсивностью метафорических образов (МПИ = 2,01). Это означает преобладание ярких новых метафор, обладающих сильным эмоциональным и персуазивным потенциалом. Индекс языковой формы MLFI = 1,66 показывает, что хотя не прямые метафоры все еще доминируют, прямые и структурные конструкции используются существенно чаще, чем в индийском корпусе, усиливая открытость идеологического воздействия.

В примере «Russia’s advances are coming at a horrifying cost. [...] “They are really pushing everyone into the grinder: drivers, cooks, builders”»⁵ («Продвижение России дается ужасающей ценой. [...] Они буквально бросают всех в мясорубку: водителей, поваров, строителей») центральная метафора «pushing everyone into the grinder» относится к концептуальной модели «ВОЙНА — ЭТО МЯСОРУБКА / ПРОМЫШЛЕННАЯ ПЕРЕРАБОТКА МЯСА». Сфера-источник — бытовая/промышленная мясорубка, сфера-цель — современные боевые действия на линии фронта. Метафора активизирует фрейм «индустриального уничтожения живой силы», солдаты представляются «безликим сырьем, которое автоматически и массово перерабатывается в «отходы» ради конечного продукта». Перечисление «drivers, cooks, builders» (водители, повара, строители) усиливает эффект: в «мясорубку» бросают не профессиональных военных, а всех, в том числе явно непригодных для этого военнослужащих, что подчеркивает варварскую неразборчивость и цинизм командования. В итоге Россия концептуализируется как «бездушный, жестокий оператор индустриальной машины смерти,

⁵Украина находится в обороне — в военном, экономическом и дипломатическом плане. Режим доступа: <https://www.economist.com/briefing/2024/09/26/ukraine-is-on-the-defensive-militarily-economically-and-diplomatically> (дата обращения: 26.11.2025).

сознательно жертвующий огромным количеством собственных граждан ради минимального результата», что является классическим образом антигуманного агрессора, отсылающим к самым негативным историческим стереотипам. Метафора вызывает физиологическое отвращение и моральное осуждение, резко усиливая негативную оценку России.

В примере «Putin is inflicting appalling devastation and horror on Ukraine — bombing apartment buildings and maternity wards... these are atrocities. It is an outrage to the world» («Путин сеет ужасающие разрушения и страх в Украине — бомбит жилые дома и родильные отделения... это зверства. Это вызов всему миру»)⁶ две ключевые оценочные метафоры создают предельно негативный образ В.В. Путина и России. Первая — это непрямая глагольная метафора «is inflicting appalling devastation and horror» (сеет ужасающие разрушения и ужас), где сфера-источник — апокалиптическое бедствие — переносится на сферу-цель «военные действия». Россия в таком метафорическом контексте предстает демонической фигурой, сознательно распространяющей хаос и страдания. Вторая метафора-номинация «these are atrocities» (это зверства), в рамках которой «преступления против человечности / зверства» переносятся на способ ведения Россией боевых действий. Упоминание бомбардировок роддомов и жилых домов усиливает отсылки к самым страшным историческим примерам, выводя действия России за рамки войны в область абсолютного морального зла.

Индийский подкорпус демонстрирует умеренную плотность метафор (MDI = 3,30), минимальную интенсивность (МИ = 1,33, близко к конвенциональным, «стертым» образам) и ярко выраженное преобладание не прямых форм (MLFI = 1,35). Такая конфигурация свидетельствует о сознательной стратегии сдерживания: метафоры активно присутствуют, но выбираются максимально нейтральные, культурно-универсальные и имплицитные, что позволяет сохранять видимость объективности и институционального нейтралитета при сохранении скрытого оценочного эффекта.

В примере «India considers Russia a time-tested ally from the Cold War era with key cooperation in defense, oil, nuclear energy and space exploration»⁷ («Индия рассматривает Россию как проверенного временем союзника со времен Холодной войны, с ключевым сотрудничеством в сфере обороны, нефти, ядерной энергетики и космоса») оценка передается через прямую структурную метафору «time-tested ally» (проверенный временем союзник). Метафора создает ярко позитивную оценку России, которая предстает надежным, выдержавшим все исторические испытания партнером, чья цен-

⁶ Конфликт в Украине: Байден назвал Путина «военным преступником». Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-60773626> (дата обращения: 26.11.2025).

⁷ Что нужно знать об отношениях Индии и России. Режим доступа: <https://www.thehindu.com/news/national/what-to-know-about-indias-ties-with-russia/article66996480.ece> (дата обращения: 26.11.2025).

ность не зависит от текущей конъюнктуры и западного давления. Упоминание «from the Cold War era» усиливает образ России как великой державы, сохраняющей свои позиции на протяжении долгого времени.

Перечисление стратегических сфер (оборона, нефть, ядерная энергетика, космос) подчеркивает глубину и незаменимость партнерства. В итоге метафора конструирует образ России как долгосрочного союзника, которому можно доверять в условиях глобальной турбулентности, что прямо противостоит западному нарративу об «изоляции» России и формирует ее позитивный имидж надежного и проверенного временем глобального игрока.

В примере «The Czechs are looking to acquire from countries outside the European Union at least 800,000 artillery shells that Ukraine badly needs. The war has drained stockpiles in Europe, the United States and Russia»⁸ («Чехи ищут возможность приобрести у стран за пределами Европейского Союза как минимум 800 тыс. артиллерийских снарядов, которые крайне необходимы Украине. Война истощила запасы в Европе, США и России») — ключевая оценочная метафора — это «drained stockpiles» (истощила запасы), реализующая концептуальную модель «ВОЙНА — ЭТО ИСТОЩЕНИЕ РЕСУРСОВ».

Сфера-источник реализуется глаголом «drain» (истощать, иссушать, дренаж), кого подразумевает постепенное, неконтролируемое выкачивание жизненно важной энергии, приводящее к ослаблению и истощению. Метафора создает нейтральную оценку России, подчеркивая универсальность последствий войны, которая предстает как процесс, который «высасывает» ресурсы одинаково из Европы, США и России, активируя пресуппозицию о ее разрушительной природе для всех участников.

Таким образом, сравнительный анализ медиадискурсов Великобритании и Индии выявил существенные различия в использовании оценочных средств и метафор при репрезентации России. Британские СМИ используют метафору как мощное оружие открытой эмоциональной и идеологической мобилизации, тогда как индийские издания превращают ее в тонкий инструмент рационализированного, латентного фрейминга, соответствующий политике стратегической автономии и дипломатического баланса.

Корреляционный анализ показателей индексов метафоричности и оценочности по каждому из 50 текстов подтверждает тесную связь между выражением оценки и использованием метафор в британском дискурсе (соотношение EDI–MDI = 0,76; соотношение EI–MI = 0,58), свидетельствующую о том, что яркие и прямые метафоры выступают основным инструментом усиления эмоциональной негативной оценки России. В индийском дискурсе сохраняется корреляция плотности оценки и использования метафор (соотношение EDI–MDI = 0,51), однако связь по интенсивности оценочности

⁸ Россия продолжает оказывать давление на линии фронта до получения Украиной помощи от Запада. Режим доступа: <https://www.dailypioneer.com/2024/world/russia-keeps-up-frontline-pressure-before-ukraine-receives-a-boost-from-western-military-aid.html> (дата обращения: 26.11.2025).

и метафоричности и по языковой форме выражение оценки и метафор слабая (соотношение ЕП–МП = 0,10, соотношение ELFI–MLFI = 0,13), что отражает компенсаторную стратегию: метафоры используются не для эмоционального воздействия, а для рационально-оценочного, при сохранения общей позитивно-нейтральной тональности по отношению к России.

Первый этап исследования, предоставивший количественные показатели характера общей оценки в изученных текстах (от отрицательной (–2) до положительной (+2)) позволил также провести корреляционный анализ соотношения разных аспектов использования метафор и характером оценки (отрицательная / положительная) (табл. 5).

Таблица 5. Результаты корреляционного анализа индексов метафоричности и оценки
Table 5. Results of the correlation analysis between metaphoricity indices and evaluation

	MDI	МП	MLFI
Характер оценки (+/--)	–0,5734	–0,6367	–0,1477

Источник: составлено О.И. Калининым. / *Source:* compiled by Oleg I. Kalinin.

Проведенное исследование показало, что характер оценки России в медиадискурсе (положительный или отрицательный) имеет ярко выраженную и статистически достоверную связь с количественными и эмоционально-смысловыми характеристиками метафор, а не с их грамматической или структурной формой.

1. Плотность метафор (MDI): чем чаще в тексте встречаются метафорические выражения, тем более негативной оказывается общая оценка России (коэффициент корреляции $r = -0,5734$). Это умеренная отрицательная связь: при переходе от нейтрально-положительных материалов к критическим количество метафор в расчете на 100 словоупотреблений заметно возрастает.

2. Интенсивность метафор (МП): наблюдается наиболее значимый показатель корреляции ($r = -0,6367$), который указывает на сильную обратную зависимость: чем ярче, экспрессивнее и эмоционально заряженнее метафоры, тем более негативной становится оценка. Именно этот параметр выступает главным лингвистическим индикатором антироссийской направленности текста.

3. Языковая форма метафор (MLFI) практически не коррелирует с характером оценки ($r = -0,1477$). Это означает, что для создания негативного образа России одинаково используются как прямые, эксплицитные метафоры, так и не прямые, скрытые, встроенные в синтаксис или лексику.

Таким образом, негативная репрезентация России в медиадискурсе достигается прежде всего за счет массивованного и эмоционально насыщенного метафорического представления референта. Чем больше метафор и чем сильнее они связаны с воздействием на эмоциональную сферу, тем более однозначно отрицательным становится образ страны и ее руководства. При

этом языковая форма метафоры играет второстепенную роль и используется скорее в сугубо стилистических целях.

Заключение

Проведенное исследование показало, что метафора выступает одним из главных лингвопрагматических инструментов формирования оценки образа России в англоязычном медиадискурсе, при этом ее роль и характер существенно различаются в зависимости от геополитической позиции продуцента. Британский медиадискурс демонстрирует высокую плотность и интенсивность оценочных средств, преимущественно эксплицитных и эмоционально насыщенных, что служит реализации стратегии открытой идеологической конфронтации и демонизации референта. Индийский дискурс, напротив, характеризуется умеренными показателями и преобладанием скрытых, рациональных и конвенциональных метафор, что соответствует политике стратегической автономии и дипломатического баланса.

Корреляционный анализ подтвердил, что негативная оценка России прямо связана с количеством и эмоциональной интенсивностью метафор, тогда как языковая форма метафоры не оказывает значимого влияния на знак оценки. Таким образом, именно массивное использование ярких, аффективно заряженных метафор является ключевым маркером антироссийской направленности текста.

Разработанная методика интегральных индексов и гибридного анализа позволила количественно подтвердить качественные различия и установить степень синергетического взаимодействия оценочности и метафоричности. Теоретическая значимость работы заключается в уточнении механизмов метафорического речевого воздействия в медиадискурсе, в расширении понятийного аппарата оценочности как интегративной дискурсивной категории и в эмпирическом подтверждении ее зависимости от экстралингвистических факторов. Полученные результаты вносят вклад в развитие лингвопрагматики, критического анализа дискурса и теории мягкой силы.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением корпуса на другие страны Глобального Юга (Бразилия, Турция, ЮАР, ОАЭ), включением неанглоязычных медиа (русскоязычных, китайских, арабских), а также с применением разработанной методики к другим конфликтным дискурсам, что позволит построить типологию национальных дискурсивных стратегий в условиях современного информационного противоборства.

Список литературы

1. *Dinnie K.* Nation Branding: Concepts, Issues, Practice. London; New York : Routledge, 2015. <https://doi.org/10.4324/9781315773612>
2. *Papadopoulos N., Hamzaoui-Essoussi L.* Place Images and Nation Branding in the African Context: Challenges, Opportunities, and Questions for Policy and Research // Africa Journal of Management. 2015. Vol. 1. Iss. 1. P. 54–77. <https://doi.org/10.1080/23322373.2015.994423>

3. *van Dijk T.A.* Critical Discourse Analysis // *The Handbook of Discourse Analysis* / ed. by D. Tannen, H. E. Hamilton, D. Schiffrin. Malden, MA; Oxford : Wiley-Blackwell, 2015. P. 466–485. <https://doi.org/10.1002/9781118584194.ch22>
4. *Wodak R.* Critical Discourse Analysis, Discourse-Historical Approach // *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction* / ed. by K. Tracy, T. Sandel, C. Ilie. Malden, MA; Oxford : Wiley-Blackwell, 2015. P. 1–9. <https://doi.org/10.1002/9781118611463.wbielsi116>
5. Информационная война: формы ведения и методы лингвистического анализа / Н.А. Ахренова, Е.В. Голубцова, Н.В. Зененко [и др.]. М. : ФЛИНТА, 2025. EDN: NGWNQO.
6. *Forging the World: Strategic Narratives and International Relations* / ed. by A. Miskimmon, B. O'Loughlin, L. Roselle. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2017. <https://doi.org/10.3998/mpub.6504652>
7. *New Directions in India's Foreign Policy: Theory and Praxis* / ed. by H. V. Pant. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. <https://doi.org/10.1017/9781108562850>
8. *Bednarek M.* Investigating evaluation and news values in news items that are shared through social media // *Corpora*. 2016. Vol. 11. Iss. 2. P. 227–257. <https://doi.org/10.3366/cor.2016.0093>
9. *Марьянчик В.А.* Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста : монография. М. : URSS, 2013.
10. *Зубова Т.Б., Калинин О.И.* Оценочность как дискурсивная характеристика: свойства и типология // *Филология: научные исследования*. 2025. № 2. С. 172–187. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2025.2.72801> EDN: OHYPEH
11. *Ma M.D., Bowden K., Wu J., Walker M.* Implicit Discourse Relation Identification for Open-domain Dialogues // *Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics* (Florence, Italy, July 28 — August 2, 2019). Stroudsburg, PA : Association for Computational Linguistics, 2019. P. 666–672. <https://doi.org/10.18653/v1/P19-1065>
12. *Заппеттини Ф., Понтон Д.М., Ларина Т.В.* Эмоционализация современного медиадискурса: исследовательская повестка дня // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 3. С. 586–610. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610> EDN: NYDDJB
13. *Brugman B.C., Burgers C., Vis B.* Metaphorical framing in political discourse through words vs. concepts: a meta-analysis // *Language and Cognition*. 2019. Vol. 11. Iss. 1. P. 41–65. <https://doi.org/10.1017/langcog.2019.5>
14. *Citron F.M.M., Goldberg A.E.* Metaphorical Sentences Are More Emotionally Engaging than Their Literal Counterparts // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2014. Vol. 26. Iss. 11. P. 2585–2595. https://doi.org/10.1162/jocn_a_00654
15. *Калинин О.И., Игнатенко А.В.* Сравнительный анализ использования метафор в русских, английских и китайских медиатекстах информационного и воздействующего характера // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2022. Т. 13. № 4. С. 1062–1082. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1062-1082> EDN: IKOTXX
16. *Zibin A., Solopova O.A.* Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda // *Russian Journal of Linguistics*. 2024. Vol. 28. Iss. 1. P. 7–32. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-37837> EDN: LRWDXE
17. *Ammar M.* Migration Narrative(s) in the Arab Media: A Metaphorical Framing Analysis // *Linguae & — Journal of Modern Languages and Cultures*. 2023. Vol. 23. Iss. 1. P. 87–105. <https://doi.org/10.14276/l.v23i1.3535>
18. *Ананченко О.Г.* Оценочные метафоры в газетных текстах начала XXI в. : лингвопрагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Майкоп, 2011. EDN: ZOGRLB
19. *Bowdle B.F., Gentner D.* The Career of Metaphor // *Psychological Review*. 2005. Vol. 112. Iss. 1. P. 193–216. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.112.1.193>

20. Steen G.J. *Slowing Metaphor Down: Elaborating Deliberate Metaphor Theory*. Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2023. xv. // *Metaphor and Symbol*. 2024. Vol. 39. Iss. 3. P. 217–221. <https://doi.org/10.1075/celcr.26> EDN: KCGNZT
21. Калинин О.И. Функциональный потенциал метафоры как средства речевого воздействия в дискурсе // *Когнитивные исследования языка*. 2022. № 2(49). С. 134–139. EDN: WUHMOL

References

1. Dinnie, K. (2015). *Nation Branding: Concepts, Issues, Practice*. London; New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315773612>
2. Papadopoulos, N., & Hamzaoui-Essoussi, L. (2015). Place Images and Nation Branding in the African Context: Challenges, Opportunities, and Questions for Policy and Research. *Africa Journal of Management*, 1(1), 54–77. <https://doi.org/10.1080/23322373.2015.994423>
3. van Dijk, T.A. (2015). Critical Discourse Analysis. In: D. Tannen, H.E. Hamilton, & D. Schiffrin (eds.) *The Handbook of Discourse Analysis* (pp. 466–485). Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781118584194.ch22>
4. Wodak, R. (2015). Critical Discourse Analysis, Discourse-Historical Approach. In: K. Tracy, T. Sandel, & C. Ilie (eds.) *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction* (pp. 1–9). Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781118611463.wbielsi116>
5. Akhrenova, N.A., Golubtsova, E.V., Zenenko, N.V., et al. (2025). *Information Warfare: Forms of Conduct and Methods of Linguistic Analysis*. Moscow: Flinta. (In Russ.). EDN: NGWNQO
6. Miskimmon, A., O'Loughlin, B., & Roselle, L. (eds.) (2017). *Forging the World: Strategic Narratives and International Relations*. University of Michigan Press. <https://doi.org/10.3998/mpub.6504652>
7. Pant, H.V. (Ed.). (2019). *New Directions in India's Foreign Policy: Theory and Praxis*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108562850>
8. Bednarek, M. (2016). Investigating Evaluation and News Values in News Items that are Shared through Social Media. *Corpora*, 11(2), 227–257. <https://doi.org/10.3366/cor.2016.0093>
9. Maryanchik, V. A. (2013). *Axiologicality and Evaluativity of Media-Political Text*. Moscow: URSS. (In Russ.).
10. Zubova, T.B., & Kalinin, O.I. (2025). Evaluativity as a Discursive Characteristic: Properties and Typology. *Filologiya: Nauchnye issledovaniya*, 2, 172–187. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2025.2.72801> EDN: OHYPEH
11. Ma, M.D., Bowden, K., Wu, J., & Walker, M. (2019). Implicit Discourse Relation Identification for Open-Domain Dialogues. In: *Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics* (pp. 666–672). Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/P19-1065>
12. Zappettini, F., Ponton, D.M., & Larina, T.V. (2021). Emotionalisation of Contemporary Media Discourse: A Research Agenda. *Russian Journal of Linguistics*, 25(3), 586–610. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610> EDN: NYDDJB
13. Brugman, B.C., Burgers, C., & Vis, B. (2019). Metaphorical Framing in Political Discourse through Words vs. Concepts: A Meta-Analysis. *Language and Cognition*, 11(1), 41–65. <https://doi.org/10.1017/langcog.2019.5>
14. Citron, F.M.M., & Goldberg, A.E. (2014). Metaphorical Sentences are More Emotionally Engaging than Their Literal Counterparts. *Journal of Cognitive Neuroscience*, 26(11), 2585–2595. https://doi.org/10.1162/jocn_a_00654
15. Kalinin, O.I., & Ignatenko, A.V. (2022). Comparative Analysis of Metaphor Use in Russian, English and Chinese Media Texts of Informative and Persuasive Nature. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 1062–1082. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-1062-1082> EDN: IKOTXX

16. Zibin, A., & Solopova, O.A. (2024). Metaphors Across Languages, Cultures and Discourses: A Research Agenda. *Russian Journal of Linguistics*, 28(1), 7–32. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-37837> EDN: LRWDXE
17. Ammar, M. (2023). Migration Narrative(S) in the Arab Media: A Metaphorical Framing Analysis. *Linguae & – Journal of Modern Languages and Cultures*, 23(1), 87–105. <https://doi.org/10.14276/l.v23i1.3535>
18. Ananchenko, O.G. (2011). Evaluative Metaphors in Newspaper Texts of the Early 21st Century: Linguopragmatic Aspect [PhD Thesis]. Maykop: Adyghe State University publ. (In Russ.). EDN: ZOGRLB
19. Bowdle, B.F., & Gentner, D. (2005). The Career of Metaphor. *Psychological Review*, 112(1), 193–216. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.112.1.193>
20. Steen, G.J. (2023). Slowing Metaphor Down: Elaborating Deliberate Metaphor Theory. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. *Metaphor and Symbol*, 39(3), 217–221. <https://doi.org/10.1075/celcr.26> EDN: KCGNZT
21. Kalinin, O.I. (2022). Functional Potential of Metaphor as a Means of Speech Influence in Discourse. *Cognitive Studies of Language*, 2(49), 134–139. (In Russ.). EDN: WUHMOL

Сведения об авторах:

Калинин Олег Игоревич, доктор филологических наук; доцент, профессор кафедры китайского языка переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38 с. 1); доцент 36 кафедры института иностранных языков, Военный университет им. князя Александра Невского (111033, Российская Федерация, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3); старший научный сотрудник Управления научной и инновационной деятельности, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (454080, Российская Федерация, г. Челябинск, просп. В.И. Ленина, д. 76.); *сфера научных интересов*: теория дискурса, когнитивная лингвистика, метафорология, теория речевого воздействия; *e-mail*: okalinin.lingua@gmail.com
 ORCID: 0000-0002-1807-8370; Scopus AuthorID: 57223031724; SPIN-код: 7494-7512.

Information about the authors:

Oleg I. Kalinin, Dr.Sc. (Philology); Professor at the Chinese Language Department, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University (38 build 1 Ostozhenka Str., Moscow, Russian Federation, 119034); Associate Professor at the 36th Department, Institute of Foreign Languages, Military University (3 Volochayevskaya Str., Moscow, Russian Federation, 111033); Senior Researcher of the Department of Scientific and Innovative Activity, South Ural State University (National Research University) (76 Lenin prospekt, Chelyabinsk, Russian Federation, 454080); *Research interests*: theory of discourse, cognitive linguistics, metaphorology, theory of speech influence; *e-mail*: okalinin.lingua@gmail.com
 ORCID: 0000-0002-1807-8370; Scopus AuthorID: 57223031724; SPIN-code: 7494-7512.